

Цзян Ван издал шипящий звук и огляделас. К счастью, рядом с ними никого не было.

«Ни Манман, тебе лучше перестать болтать, как это. Ничего хорошего не будет, если об этом узнают».

— Ван Ван, ты слишком добросердечна.

Ни Манман с тревогой сказала: «Поскольку она осмеливается делать такие вещи, она не должна бояться, что люди говорят об этом! Я просто хочу разоблачить то, что она сделала. Я не лгу! Толпа не глупа. Если бы они знали, что за человек Цзян Юй, они бы точно плюнули на нее, как я!»

«Ни Манман...»

«Ван Ван», — Ни Манман погладила ее по руке и сказала: «Не могли бы вы сделать мне одолжение?»

...

Цзян Юй с удовольствием съела свое трехцветное мороженое.

Хотя Цзян Чэнлан хотел остаться рядом с Цзян Юй, но на банкете было слишком много деловых партнеров, и люди один за другим подходили, чтобы поприветствовать его.

Цзян Юй явно не интересовался деловыми разговорами. Цзян Чэнлан боялся, что Цзян Юй заскучает. Он посмотрел на семью Фэн и увидел, что все они окружены группой людей. Фэн Линьбай тоже был окружен толпой. Только тогда он почувствовал легкое облегчение. Он чувствовал себя достаточно спокойно, чтобы позволить Цзян Юй ходить одной.

Однако он все еще волновался и напомнил ей: «Сяо Юй, будь осторожна. Не разговаривай с незнакомцами».

Однако Цзян Чэнлан подумал об этом и поняла, что Фэн Линьбай не был незнакомцем для Цзян Юй

Он добавил: «Не разговаривайте с мужчинами, у которых есть скрытые мотивы».

Цзян Юй ответила небрежно.

Когда Цзян Юй осталась одна, к ней подошла Чэнь Мяойи, которая некоторое время молча наблюдала за ней.

Она застенчиво сказала: «Я не знаю, помнишь ли ты меня, но я просто хотела поблагодарить тебя».

У Цзян Юй все еще было некоторое впечатление о Чэнь Мяойи. Она ответила: «Пожалуйста».

Уголки губ Чэнь Мяои изогнулись в грустной улыбке: «Это была моя вина, что я бросила тебе вызов, не говоря уже о том, как я бессовестно пыталас заставить тебя отказаться от пари. Сейчас все это кажется довольно смешным. Я была действительно глупа в то время и причинил вам столько неприятностей. Мне очень жаль.»

Цзян Юй: «Все в порядке».

Увидев, что Цзян Юй действительно не возражает, Чэнь Мяойи осмелела.

Она закусила губу и выжидающе посмотрела на Цзян Юй. Она осторожно спросила: «Тогда... я хочу сказать тебе еще несколько слов, можно?»

"Конечно." Цзян Юй подняла глаза и медленно сказала: «Я не ем людей».

Чэнь Мяойи позабавили слова Цзян Юй, и ее тон посветлел. «Цзян Юй, ты отличный женский образец для подражания».

Она серьезно сказала: «Вспоминая свои глупые поступки, я чувствую себя абсолютно смущенной тем, как я поступила. Возможно, каждый хоть раз в жизни будет обманут или сделает что-то импульсивное».

«Некоторые непоправимы, а некоторые нельзя изменить, но я рада, что встретила тебя. Ты мог бы уничтожить меня, но не сделала этого. Я хотела втоптать твоё имя в грязь. Это был очень детский поступок».

«В конце концов, ты отпустила меня и показал то, что обманывало мои глаза, то, во что я когда-то верила.

«Как мне это сказать? Мне казалось, что мир рухнул, и моя вера была опрокинута. Я чувствовал себя клоуном. Я долгое время чувствовал себя подавленной, но теперь я двигаюсь дальше».

Чэнь Мяойи поклонился Цзян Юй и сказала: «Если бы моя вера не была разрушена, не было бы никаких шансов на восстановление. Спасибо за изменение моего взгляда на мир».